

Tul_05_032

15.07.2005. г. Тульчин.

Инф.: **Софья**, 1928 г.р.

Соб.: С.Амосова (СА), С.Николаева (СН)

[Сторона А]

СН: А, там такое здание строится, да?

С: Да, там здание строится, как раз у входа, строится здание. Там люди отдыхали, приходили, там был летний театр.

СН: А кто там в театре играл?

С: Приезжие.

СН, СА: Приезжие?

С: Приезжие артисты, они приезжали, там просто з досток был сделанный этот театр, и все...

СА: А местные – не было каких-нибудь?

С: А местные – туда вот, где дом культуры, то туда немнож... такой был зимний театр. А местные нет. Кинотеатр – кинотеатр, это старое здание.

[пауза]

СН, СА: ... дальше мы ходили, смотрели, деревянные, еще кирпичные, даже каменные – это тоже старая часть, да? вот когда рынок проходишь? Просто прямо по улице – это старая часть, или это уже не центр?

С: Нет, это уже не центр. Центр вот здесь, туда так... Первый поворот, до второго – это центр. Вот. Ну, а там... это был центр, была швейная фабрика туда, она сейчас так и есть, обувная была ниже, вот это была третья школа русская. Вот, вот эта. Русская. Вот там была вторая школа, около стадиона, то была украинская. Вот. Ну, там, по улице Лермонтова, там виден этот... был пед. техникум, можете записать. А перед войной... пед. техникум был, а потом сделали для детей... пед. техникум, до войны, можете... вот до войны был пед. техникум. Даже и то был институт, еще раньше был институт, потом пед. техникум. Во.

СА: Скажите, как-то части города назывались особо?

С: Нет, не было. Малый этот район, чтоб были какие-то... Тут клиника была. Вот это вот, где перестраивается, тут ЗАГС был, вот. Ну что еще? Ну, почта – почта так осталась.

СА: А вот школы были русская, украинская – еще какие-то были?

С: Ну вот эта русская, 3-я школа, номер три – это была русская, вот туда вы свернете, трехэтажное здание – это школа была украинская, ее построили в 37-м году.

СА: В 37-м, да?

С: Тысяча девятьсот тридцать седьмой год. Это была украинская десятилетка. А еще одна школа, первая, кажется, школа... или вторая... это за старым базаром туда, она в ту сторону. Ну еще что надо?

СА: А вот были еще кроме украинских, русских школ еще какие-нибудь национальные школы?

С: Не, не. Еврейская была.

СА, СН: Еврейская школа?

С: Еврейская школа была. До войны была еврейская школа.

СН: А после войны?

С: Уже не было.

СН: А ее закрыли в войну, или..?

С: Ее просто в войну закрыли, то здание пере.., немного перево...

СН: А где она была?

С: Она была... где? На территории во дворе, в этом, где русская школа, вот за Домом культуры, в том дворе она была, маленькое такое здание было. Вот оно больше на ту улицу, так сматривало. Ну шо еще тут? Музей у нас есть тут. Вы были в музее?

СН: Вот мы еще не были, мы только мимо проходили.

С: Вот зайдете в музей, там много вы чего возьмете. Ну потом это интернат там был, где я сказала, пед. техникум – это был интернат, так и сейчас вот там интернат.

СА: А вот интернат, это когда он стал?

С: Ну он, наверное, в шестидесятых, а то, может быть, даже в семидесятых годах. Это точно я не... я не точно знаю.

СН: А вот в войну здесь как было?

С: В войну было тут разрушено очень. Были не... румыны, немцы были, потом румыны тут были.

СН: Вы здесь были в это время?

С: Да, в это... 43-й, 42-й год, 44-й год были румыны здесь.

СН: А вот Вам сколько лет было, вот когда война началась?

С: Тогда мне сколько было... В 43-м... Ну мне было так 18 лет. Ну шо еще? Шо вам можно сказать еще?

СА: А вот когда румыны были, вот в этой части были румыны, а здесь было получше там, где были немцы, или так же плохо?

С: Да, девочки, нам было легче, чем... румыны, какие они ни есть, они... а где немцы, вот туда на Брацлав немцы, где Брацлав, 18 километров. Туда, к Лодыжину, где-то тоже были немцы, у них намного тяжелее, они издевались над людьми, вот, они обижали людей. Особенно еврейскую нацию они... особенно ее...

СА: А здесь вот как-то так...

С: ...а румыны с нами были по-челове... как сказать... по-чело... было, было, но они более-менее по-человечески еще относились по сравнению с немцами. Ну, еще что вам можно сказать?

СН: Ну, у Вас родственники, может быть, есть в округе, которые рассказывают что-нибудь, или Вы что-нибудь, может...

[пауза]

СН: НУ а вот... как Вы сами пережили оккупацию?

С: Оккупация тяжеловата нам далася, очень тяжело, потому что, ну что там сказать... И материально, и морально было тяжело. Красные к нам пришли, кажется, уже в 43-м году, освободили. В 43-м или сорок...

[пауза]

С: Победа была, у нас здесь уже красные были. Вот. Ну еще что... Туда у нас была клиника, вот это был, значит, ЗАГС, туда была у нас клиника. Это у нас был горсовет, вот это великое здание – это был наш горсовет. Он построенный при советской власти, но я тогда была маленькая, когда он строился. Там стоял – он так и есть – памятник Ленина был. Ну еще что?

СА: А Вы здесь родились, в Тульчине?

С: Да, я рожден... тут. В 28-м году я родилась.

СА: А вот он тогда был советский, Тульчин?

С: Когда я родилась? Да, это уже было при Советской власти, когда я родилась, это было...

СА: А Вы учились в еврейской школе, русской или украинской?

С: Я училась вот именно в той, что около стадиона, потому что я пошла в первый класс сюда в эту школу, нас приняли пока, а к новому году построили... кончили строить вот эту, вот почему я пришла в 37-м году, в янв... или в феврале, или в январе месяце мы пришли на новоселье, учиться в эту школу.

СН: Вот там, в украинской школе, только одни украинцы учились?

С: Учились и еврейские дети, учились даже и русские некоторые дети. Ну а такие... но большинство еврейских детей училось в русской школе, потому что...

СА: А в еврейской школе?

С: Они учились, но там что-то мало классов было. Я не помню сколько, но, наверное, только 5 или 6 классов было в еврейской школе.

СН: А в школе на каком языке разговаривали?

С: В какой?

СН: Ну вот в вашей?

С: На украинском.

Соб. На украинском? И все предметы на украинском?

С: И все предметы, всё... ну, так больше... кто как себе желал. Если я общалась... мне так пришлось, что я жила там, где военкомат, я общалась с русскими детьми, то, конечно, я часто употребляла русские слова, а кто так... Ну-у, вообще у нас было смешано. У нас не было разницы – русский язык, украинский, у нас это было так едино, понимаете.

СН: А вот еврейский?

С: (понижает голос) Еврейский мы не принимали так, особенно чтобы на нем.

СН: А не говорили, да?

С: Мы не говорили по-еврейски. У меня мама там, мои те... те говорили, потому что они жили, полно было соседей, так им хотелось по... на своем, чтоб с ими поговорить, так они так немножко знали этот немецкий, еврейский этот язык. А так они жили и жили.

СН: А вот он еврейский язык... вот Вы сейчас сказали, немецкий... еврейский язык? Он... это идиш, да? на что похоже?

С: Да, у них немножко есть с этого... Конечно, им при немцах было очень тяжело, румыны еще ничего, а немцы очень над ними издевались. Это что правда, то правда.

СН: А вот что здесь было?

С: Ничего, только комендатура ихняя была, и всё. Арестовывали часто. Например, у меня арестовали... они подпольщиками сюда, родственник, они пришли, 16 человек подпольщиков работать в подполье, а их выдали. Их арестовали, и тоже их уничтожили. Они сгорели в тюрьме в Молдавии, я забыла, какой город. Там их и сожгли. Вот и всего, что было, это было, например, тоже и 43-й год был. Вот они все, бедные, (нрзб.) их выдали, тут в этой милиции они сидели, что там, внизу. Попытки были, всё, но из тюрьмы их не выпустили, потом их в Тирасполь, ага, в Тирасполь. Их загнали туда, и в той тюрьме, там они сгорели, их сожгли.

СА: А вот скажите, у евреев были какие-то особенные праздники?

С: Пасха у них... Потом, когда они целый день не кушают ничего, я забыла, как этот праздник называется.

СН: А в какое он время года?

С: Осенью. Осенью. Они целый день ничего не кушают. Как называется этот праздник, я уже забыла. Вот. Они... Они не плохо... сейчас, и до войны они жили очень хорошо. Они жили намного лучше, чем жили украинцы и...

СН: Лучше?

С: Ну да.

СН: А почему? Ну, вроде как вместе жили...

С: Видите, они более такие, знаете, хитрые, проворотливые, **пробежливые**, например, даже вот поступать в вузы. Наши... а евреи всегда себе пробивали дорогу, ихни дети... ихних детей больше поступало в вузы, чем наших детей. Они по знакомым... они, знаете, народ такой, для себя они всё найдут и всего добьются. А украинцы уже не такие. Русские – те более... русский народ – люди умные. А наши такие немножко, но все равно они трудолюбивые, они очень много трудятся и в полях, и около земли. Это самое любимое их занятие – земля. Вот.

СН: В смысле у украинцев или у евреев?

С: Нет, у украинцев, у украинцев.

СН: А евреи?

С: А евреи – нет, не, не, не, не. Трудиться физически...

СН: А евреи почему?

С: Ну потому что украинцы... здесь украинцы с ними очень хорошо сжились, общались, они так прибрали себе самые лучшие места, работали на хороших местах, руководители прежде всего. Ну в общем...

СА: А вот Пасху как они отмечали?

С: Евреи?

СА: Да. Ну вот... А русская Пасха, да? Ну вот православная – украинская, русская...

С: Православная Пасха... Ну, у нас так паску пекли, в церковь ходили, а они ходили молиться... э-э-э... в синагогу.

СН: А синагога была?

С: Да, даже была ихняя синагога.

СН: А где она была?

С: Она туда, вниз, девочки, была.

СН: А вниз это туда, где дворец, да?

С: Вот туда... когда вы будете идти, это первая, где проездная дорога, а потом вторая, там «Тульчинка» написано. Вот когда вниз спуститься, вот, там была даже их школа, синагога, я была маленькая, тогда была синагога, великая школа такая, вот туда они ходили молиться. Там они... и бракосочетания ихние были, всё, но...

СН: А Вы видели, да?

С: Я видела это, я маленькая была, мне, наверное, лет пять тогда, шесть было, но это я так со сна (?) вам рассказываю. Потому что когда у них свадьбы, у них очень веселые свадьбы, и когда невесту провожали до... это музыка играла, они очень плясали, они умеют плясать. А мы, малые, бежали, кричали... [смеется] Так я запомнила. Но все равно синагогу начали разбирать при румынах, а кончили уже... вот недавно, по-моему, закончили, она была большое такое здание, всё... ну еще что-то было, не помню.

СА: А вот что они еще делали на свадьбу? Вот плясали...

СН: Ну вот Вы сказали – невесту провожали, а вот откуда ее провожали?

С: Из дому, из дому в синагогу, чтоб их там... у нас венчают, а у них... ну этот обряд чтоб пройти. А потом оттуда опять их встречают, уже всё. Но у них очень веселая музыка, веселье, веселые танцы были и все, они народ веселый.

СН: А музыканты-то откуда брались? В Тульчине были?

С: В Тульчине у нас были. Духовой оркестр у нас был, но были такие, что только ходили это... А потом русские все это... только в дом культуры духовой оркестр был. Не в дом культуры, а в этом... культпросвет-техникуме был.

СН: А на еврейских свадьбах тоже такой духовой оркестр играл...

С: Да, еще...

СН: ...или там у них какие-то свои есть?

С: Там они это, на духовой оркестр, там немножко, пара сопилок таких была у них, я забыла, как он называется, это было что им, так это, так подыгрывали, пели они красиво, и всё, веселились. Вот это еврейка со мной стояла, она моложе меня. Она могла бы что-то более интересное, но, знаете, они же со своим гонором, со своим всем. Так что она тоже хорошо прожила, ее отец работал директором пищевода.

СН, СА: А что такое пищевик?

С: А это где хлеб пекли, макароны вырабатывали. Вот такое.

СН: А это когда было?

С: А это было до войны, и немножко после войны. Но уже мало, а до войны был такой пищевик, там всё это, продукцию... колбаску, там даже воду делали.

СН: А соседка это Ваша, да?

С: А мы вместе, на одной улице были.

СН: На одной улице? Раньше были?

С: Раньше, да, на одной улице.

СН: А на какой?

С: Улица... а тогда улица называлась Чапаева. Улица Чапаева.

СН: А это где?

С: А вот я вам сказала, где гостиница и туда вниз. Туда там... Ну, вот такое, девочки, было.

СН: А вот евреи жили вместе с вами рядом? То есть не отдельно, у них не было отдельного...

С: Не-не-не, они все ютились межи... все вместе жили, вот где мы жили, на этой улице Чапаева, там Красноармейская улица была. Их много было, очень много, но они всегда как-то с украинцами, так было, что они нас приглашали на свадьбу, мы их приглашали на свадьбу. Неплохо жили, нельзя сказать, что плохо.

СН: А если вот праздник какой-нибудь, они вас приглашали, а вы их тоже?

С: Праздник – это редко такое было, но было такие случаи, конечно, они народ заносчивый, они ставят себя... на две ступени всегда они выше, и считали, что они умнее, ну, может быть, и так, но то, что они хитрее, это правда. Украинцы народ такой, знаете...

СН: А вот на пасху они вам что-нибудь дарили, вот на их пасху?

С: Вот сейчас я вам скажу, был такой обычай: если мы пекли паски, мы им занасивали, вот такую моя бабушка пекла, и вот такую маленькую пасочку заносила им. А когда у них Пасха, так у них пекли, девочки, маца называется – это чисто тонко-тонко раскатанное, и они потом какой-то машинкой так проходили, дырочки маленькие делали, это специально, тоже специально такая печь, специальные люди, которые у них это выпекали, эту мацу, и они продавали ее на килограммы. Ну и вот когда Пасха, так они заходили к нам, заносили нам мацу. Мы им пасху приносили, а они нам мацу.

СН: А, в подарок, да?

С: Ну как... Это, как считалось, такое внимание обоюдное. Одно другим, это... потом они очень хорошо... могли ее натереть, натереть, яичко давали, и очень вкусная бабка получалась.

СН: А бабка – это что?

С: Ну, вот, ну что... **остец**, вот из макарены делают бабки, вот это они такое делали. Бульоны они делали... ну, у них самая главная была вот эта еда, и бульон. Куриный – это самое у них...

СН: В смысле, вот это вот из мацы и бульон?

С: Как у нас борщ... когда у нас борщ украинский... украинцы сварят, так у них – бульон, маца эта.

СН: А маца – Вы знаете, как она готовится?

С: Я вам говорю, что это пресное тесто, она... это на машине надо, и машина сама раскатывала это, а потом еще делали такие мелкие дырочки, и специальная печь, которая их выпекает, и она такое... ну как вам сказать, как

вот спичечная коробочка, и там вот доньшко от спички. Иногда я думаю: что он делает вкусно, что это он спички коробкой кушает? Она довольно так вкусно, если с чем-то, если с бульоном или сделать вот это, запечь бабку. Конечно, сейчас они еще более стали, потому что Израиль их... всё, а у нас... знаете, у нас нет такой дружбы, они дружные между собой, это народ очень дружный, они один за всех и все за одного, а украинцы народ недружный, украинцы – народ завистливый очень.

СН: Завистливый?

С: Завистливый, очень зави... ну как сказать... недоброжелательный. Вот если немножко тебе что-то повезло лучше, он уже...

СН: Ну а вот Вы говорите, украинцы хорошо относились к евреям, а евреи к украинцам?

С: Тоже неплохо. Знаете, были эти стычки, иногда было... ну, надо ними очень поиздевались румыны, а немцы – это страшно издевались над ними, это было. Ну и в тот час и много украинцев их припрятывало.

СА: Припрятывали украинцы их?

СН: То есть помогали?

С: Помогали, когда вот это были... у нас там, мы так с мамой жили не особенно, но тоже так было, что если что-нибудь картошку сварили или буряк там, она говорила: «Возьми пару картошек и бурячок, занеси, потому что они тоже люди, они ж кушать хотят». Так тоже было. И были люди, которые с ними... а когда их в гетто у нас тут богато, у нас много... украинцы спасли их. И прятали их, и подкармливали, чем могли. Были и нехорошие, и выдавали. Ну, вы знаете, люди есть люди, есть разные характеры и совесть у каждого человека. Ну так-то неплохо жили.

СА: Вы сказали гетто, да?

С: Гетто, да.

СА: Было гетто здесь?

С: Было гетто, да. Вот это вот где обувная фабрика, это по той улице было гетто ихнее.

СН: А когда оно...

С: А распалось оно при румынах, немцы сделали это гетто, и при румынах было, а потом уже в 43-й год или в 44-й, когда нас освободили, оно распалось, и евреи – они, да... концл... Это такая Печора – давай, запиши – Печора, там их концлагерь был, Печора, село Печора. Это концлагерь ихний был, так туда тоже люди **побежали** (?). Я вам говорю, что мы так жили с мамой, что очень трудно было. Или бурячок от себя, или картошку, хлеба мы не видели, что тоже, чем-нибудь...

СН: Это вот как раз Вашим соседям, и вот той женщине, котор...

С: Ей нет, она была эвакуирована.

СН: Она эвакуированная была?

С: У нее отец был на хорошей работе, у нее такой **(нрзб.)**, и они эвакуировались, а которые бедные – те остались. Надо ж тоже было иметь, за что эвакуироваться, и тогда она была эвакуирована. Да много было... вот эти верхушки эти, такие, знаете... Ну что у нас раньше – раньше, вот теперь у

нас, девочки, никого тут нету, вечером. Сейчас молчу, сейчас есть, я когда иду иногда и удивляюсь: боже мой, боже! мы раньше выбегали, что в город – полно народа, а евреев было – дыхнуть нечем было. Полно. Они все выходили, там было городской сад, где я вам говорю, были скамеечки, они там сидели, всюду они отдыхали... Им неплохо жилось у нас, они всеми благами пользовались, им более было что-то доступно. Вот.

СН: А вот не-евреи, то есть украинцы, русские – в синагогу когда-нибудь ходили? За чем-нибудь?

С: Девочки, этого я не скажу. Честно, я это не могу сказать. К нам они не заходили. В церкву они никогда не заходят, они презирают церкву, вот... а мы в синагогу тоже... я не помню.

СН: А в церкви священник есть, да? А в синагоге...

С: Там у них свой. А как он называется... девочки, я забыла, как он называется. Но есть же у них свой, он правит по-своему... у них все немножко ина... по-другому это.

Са: А вот кладбище у евреев было здесь?

С: Есть и сейчас.

СА: Есть и сейчас?

С: Да.

СА: А когда они ходят туда?

С: Ну, когда кто-то... Вот, например, я скажу, у моей дочки была встреча – сорок лет, как закончила школу, но она не смогла, бедная, приехать, ну а потом пришла ее соученица меня навестить, она мне сказала: «Тетя Соня, мы ходили на еврейское кладбище», потому что ихняя классная руководительница была еврейка, и еще так к кому-то, вот. Поставили цветы, отметили. Например, директор вот этой школы, где русская была, третья, мои дети учились тут, он очень был хороший, этот директор, и до сих пор дети мои вспоминают, и все ученики. Его фамилия Могилевский Михаил Ефимович, директор 3-й школы. Он похоронен на русском кладбище.

СА: А то есть... он еврей, да?

С: Он еврей, всё, а приехали его ученики, что... они его очень, даже мои дети, они его как отца считают, он очень был добрый и всё, и он похоронен... знаете, какая буча была, эти евреи чуть не заели его жену: «Как это, что ты сделала? что ты похоронила его?» Он похоронен на нашем кладбище.

СА: А они так недовольны были почему?

С: Они нет... они нас (нрзб.), все равно они знают, что ихняя нация и что наша. А наша, например... и главное то, что, знаете, у них не делали поминки, а у нас же делают поминки. А у него мно... он где-то воевал, у его везде, и в школе его очень уважали, (нрзб.), его так приехали его друзья, на похороны, и взяли... и сколько там они могли, и говорят: «Пойдемте, мы заказали стол, там, где «Тульчинка», и ему сделали поминки там, в «Тульчинке». У евреев не делается...

СН: Совсем не делают, что ли?

С: Не. Так они этой жене (смеется) в лицо смеялись, говорят: «Совсем перекрестили его в русскую веру».

СН: А хоронят у евреев так же, как у русских?

С: Почти что так же.

СН: А как?

С: Обычно так, с музыкой, если есть музыка, но как це называется...

СН: А если раньше там?

С: Ну это приходили в ихну синагагу, там кричал, они тоже все кричали, плакали. Вот у них такое было. Но как он называется... раввин, раввин! Може, девочки, я ошиблася, так вы меня извините, но вот мне кажется, он раввин назывался.

СА: А их в гробу хоронят?

С: Да. Раньше их не хоронили, их раньше хоронили так, как они одеты, какой-то мешок, и там такую делали нишу, и так было. Это было раньше. А теперь хоронят в гробу.

СА: Какую-то нишу делали, как-то вот... особую яму копали?

С: Это яму выкапывали, а под ямой еще подрывали, понимаете? Ну как вот стенка, они туда подрывали, и на нем все белое, заматывали тоже в белое, и туда ставили, это было давно, девочки, когда я еще была маля. А сейчас они в гробу хоронят. Они много чего тоже... в нашем... по-нашему, потому что они тоже живут, и... что ты сделаешь. Ну я говорю, как захотели, так директора и похоронили. (смеется) И вы знаете, все, вот даже у меня сын приезжал, вы можете... вот подойдете до 3-й школы – вы увидите, потому что такое маленькое...

СА: А, табличка? Мы вчера видели.

С: Видели, да? А вторая табличка – это тот парень, который в Афганистане воевал. Что вам еще больше сказать?

СА: А скажите, у евреев какие-то особые дни в неделе были, которые они как-то отмечали?

С: Ну Пасху свою...

СА: Нет, а вот неделя вот?

С: Не знаю, вот эта... Суббота у них особенно, они субботу, и вот как называется, что они постят этот день, целый день ничего не едят и молятся, я забыла, я знала и забыла, девочки.

СН: А в субботу чего они делают?

С: Молятся они. Сейчас я не знаю, а раньше они молились, всё. Они же молятся по-своему, и плачут, и кричат вот в синагогах.

СН: Кричат?

С: Да.

СН: Это как?

С: Что-то кого-то призывают, своих святых, понимаете, к кому-то они обращаются. Вот.

СА: А скажите, вот у них... Вот у нас библия, а у них есть какая-нибудь такая же книга, или у них тоже библия?

С: У них есть книги, но как они называются, я не знаю, потому что они на еврейском языке, а сейчас, может, кто-то уже перевел на... потому что они, есть же много не умеют читать, только на русском или на украинском.

Так это народ, конечно, они так делают, чтобы было хорошо для себя. Вот такие... Это люди, которые живут для себя. Ну сейчас, я вам скажу, тоже сейчас русские и украинцы стали такими, (нрзб.), всегда могут постоять, и все для них уже, и где-то на работу устроиться, а до войны это все были... места были ихние, так, куда-то ребенка устроить учиться в высшее – это они могли пробить, у нас таких и денег... Ну а сейчас такого не чувствуется, сейчас более так это... всё это вошло... Сейчас чувствуется, что Украина вильна. Вильна Украина. Ну что еще больше я знаю?

СА: А скажите, вот у русских, то есть у украинцев и русских были такие дни недели, в которые постились?

С: Украинцы постились в Великий пост. Это под Пасху, а перед Пасхой семь недель поста. Ну, сейчас, конечно, уже не додерживается, посты эти... Ну у нас уже стали больше в церкву ходить, больше соблюдать всякие эти... Вот.

СН: У вас постился кто-нибудь вот так вот?

С: У нас каждый сколько мог, по себе постился, почти в каждом... украинца у каждого тоже... кто мог, конечно, у кого здоровье позволяло, сейчас иду и шатаюсь, и голова все время... ну, уже возраст у меня, так я уже не могу, я прихожу, что-нибудь я хочу... думаю: может быть, не буду кушать, а то голова, еще что-нибудь такое...

СН: А у вас был такой район в городе, который назывался Капцунивка, или как-то так?

С: Капцунивка – да. Да, девочки, был. Это туда, тоже вниз. А вы хотите в этот район попасть даже?

СА, СН: Да, мы бы посмотрели. И центр бы посмотрели, и Капцунивку.

С: Вот это беда, что я там еще не всё взяла на базаре, но сейчас я вам скажу. Девочки, вы как будете идти, идите так: можете перейти на правую сторону, вот вы будете идти... на какую там вам сказать... вы идете, автовокзал вы проходите, спустились и еще там будет такой домик наверху, а потом будет такой домик красиво сделанный, ну, четырехквдратный, вот, и будет переулочек, и в этот переулочек вы можете свернуть. Ну, Капцунивка, а вот сейчас как она называется – я забыла.

СА: А почему Капцунивка называлась?

С: Ну тогда так ее называли, а почему – это еще до меня, я еще маленькая была.

СН: А кто там жил?

С: И русские жили, и евреи жили.

СН: А это центр был, эта Капцунивка?

С: (нрзб.) центр из города, туда. Центр тут. Ну, там тоже можно считать, что как по центру, потому что автовокзал идет, они немножечко ниже автовокзала, эта Капцунивка. Ну просто это тоже люди рабочие, около земли работали, немного их было, немного их... Ну они, как... вся жизнь была, как... на наших плечах пронеслась.

СА: А скажите, там у евреев дома какие-то особые были, или такие же были?

С: Дома почти одинаковые. Тогда и у нас такое было, это сейчас стали строить такие виллы, дома, а тогда – такие, знаете, такие были... это редко у кого был кирпичный домик, в то время редко у кого был.

СА: То есть у евреев такие же дома, и такие же печки были...

С: Печки немножко не так, но тоже – печки, потом плитки стали ставить, и что горило, (нрзб.) мы готовили кушать, ну теперь недавно газ пошел, вот.

СН: А дом как был устроен – точно так же?

С: Да, так – комнаты, кухня. Кто мог – веранды себе делали. Но сейчас их нет, они почти... Большинство выехало их в Израиль.

СН: А веранды делали только евреи, или украинцы тоже делали?

С: Тоже делали. Сейчас я вам хочу сказать, что украинцы некоторые намного лучше живут евреев, которые могут бизнес, что-то продают... Это такие, как я – мы сидим на пенсии, а кто может, кому везет, или счастье у кого какое. Знаете, девочки, в счастье свое тоже надо верить, как говорится, что... если у него есть на это талант, есть счастье...

СН: А они что-нибудь специальное вот делают, чтобы удача была какая-то?

СА: Евреи в смысле.

С: Я не знаю этого. Ну что...

СА: Скажите, а вот они больше молятся, как Вы считаете, или такие же религиозные, как...

С: Они... Наши есть, ихние – это такое, кто больше, кто меньше, я не могу сказать. Наши тоже есть, что они все время и в церкву ходят, и все... так же и они. Ну, молодежь ихняя, конечно, не особенно, старые люди – то те, но молодежь... а теперь они даже не знают, где ихняя синагога, честное слово. Куда они ходят молиться, я не знаю.

СН: А много вообще вот евреев было?

С: Здесь было очень много, здесь столько было – это был вообще Тульчинский район, он еврейский. Здесь столько было, это они повыезжали.

СН: А сейчас?

С: А сейчас их мало здесь. Сейчас уже большинство украинцы, русские...

СА: А вот нет, кроме этой знакомой, каких-нибудь евреев, чтобы можно было поговорить?

С: Нет, у меня нету таких.

СА: Ну, может там соседи, знакомые...

С: Нет, у меня все русские.

СН: А если кто-нибудь из русских, может быть...

СА: Да, кто-нибудь постарше.

С: Нет, девочки. Нету таких. У меня все они... там немножко тех соседей, но даже и евреев на моей улице нет. Где вы можете пообщаться... большинство... вот базар, за базаром улица, через забор улица, это так, как базар идет, это будет с той стороны, и эта улица, по той стороне немножко живут евреи. Вот там вы...

СН: Там вот улица, за базаром – Гагарина, да? или как?

С: Туда... Где наш суд, где суд, вы знаете?

СН: Да.

С: Вы возьмете, как до базара, немножко выше, пройдете там, один, второй переулочек, узнаете, где тут, кто старожилы, и к кому... Вот так, до суда подойдете, и потом опять, как сюда будете возвращаться, вверх – не вниз, а вверх – и спросите, базар, а это там... базар право, а левая сторона – там несколько таких есть, что они старожилы, понимаете, они смогут вам что-то рассказать. Потому что где я живу – то там их совершенно нет. Их сейчас совсем мало, вы понимаете? Это раньше, бывало, куча на куче было, как выйдешь, а сейчас они повыезжали все.

СН: Куча на куче – это как?

С: Ну... тут семья, тут семья... И вы знаете, вот я теперь даже вспоминаю, (нрзб.) как сейчас, это было вечер, выйдешь на улицу, тот поставит самовар, а тот на примусе вскипятит чай, и кричат: «Риди, иди до нас пйти чай!» И тот тоже: «Иди до нас пйти чай!» Вот. Вот как жили тогда. Они всегда сидели, любили почаевать, пили чай на дворе, и любили пригласить, чтоб еще кто-то пришел к ним на чай, ну, и так и жили... Иногда бывало, что какая-то беда, то они могли и выручить человека, и помочь могли человеку. Сейчас украинцы хуже между собой живут. С евреями все равно как-то более... могли найти что-то общее...

СА: Скажите, а как Вас зовут?

С: Не надо.

СА: Ну просто хотя бы имя.

С: Не надо.

СН: Ну хотя бы имя, может, мы в следующий раз поговорим еще раз...

С: Ну София запишите.

СА: А Вы украинка, да?

С: Да, я украинка.

СА: Мы студенты, нам нужно для отчета.

С: Ага, ну хорошо.

СН: Нам просто нужно записать имя-отчество, ни для чего другого.

СА: ...просто нам нужно руководителю сдавать.

С: Не надо, девочки.

(пауза)

С: Вот если вы попадете туда куда-нибудь, там вы больше узнаете, вы попросите – где такие более-менее пожилые, там есть они. Вот это базар, они с правой стороны, то суд, когда вы суд пройдете... так там вы найдете более для вас и подходящего и интересного.

СН: Хорошо. Спасибо большое.

СА: Спасибо.

С: Девочки, удачи.

(конец записи)

Tul_05_032

15.07.2005. г. Тульчин.

Инф.: **Свиридов Григорий**, 1950 г.р., г. Тульчин

Соб.: С.Амосова (СА), С.Николаева (СН)

[Сторона В]

ГС: Ну шо, вот это вот старая часть города, вот это вот всё, потом, где автобусная станция – там была крепость когда-то. Возле первой школы и автобусной станции, на территории. Вот, обувная фабрика, это еще до... после войны остались стены от этой крепости. Эта крепость основана не буду говорить когда, или в тыща шестьсот каком-то, или что, в общем, очень старая. Вот, в крепости в основном сидели там, значит, поляки, и когда были какие-то набеги или еще что-нибудь, то еврейское население тоже там было, с поляками. Вот. Вокруг поселялись уже горожане, они когда-то получили, тут столб стоял в Тульчине, типа стелы, что-то такое вот – гамбургское право называться городом. А второй столб был – это, значит, польский король дал Тульчину. А второй столб был поставленный... ну как... не в честь, или как... Разбили польское войско, значит, граф Потоцкий, который там, имение вот это вот, имел с русскими войсками, с русскими войсками разбил польского короля Сигизмунда или кого там, я точно вам не скажу. Потом вот этот дом основан в 15-м году.

СН: Вот этот?

ГС: Да. Он уже переделанный.

СН: Такой старый? А кто тут жил, не знаете?

ГС: В общем, тут жил один священник, у него было три дочери, и мне пришлось, еще когда я срезал старую грушу, то подошел племянник, один из этих вот сестер этого священника, и он сказал, что, говорит, под этой грушей Леонтович пел песни, говорит, с моими тетками, говорит, еще Леонтович, этот, который в Тульчине. Значит, шо – большая какая у меня ошибка была, – на тот период я снимал часть этого дома, пристройки были, тут русские печи стояли, во время войны, видно, пекли хлеб, две русских печи – и наверху, на чердаке, нашел негативы на стекле, это еще, значит, с тех съемок, которые были... дореволюционная съемка. И вот эта вся знать Тульчина – она была на этих негативах. Там, видно, и Леонтович был, и всё это вот... всё, что тут творилось, когда фотография начала, потому что семья, видно, очень богатая была. Вот, ну... негативы, где-то что-то... ушло всё. Это еще было... Мне еще было лет 16-17, когда я разрушал половину эту...

СН: Русские, украинцы жили – кто?

ГС: В основном, значит, большая часть украинского населения, и где-то процентов в Тульчине 45 еврейского населения где-то было. Это было так где-то оно, почти к половине было, потому что все вот эти районы – Шаргород, Томашполь, Бершадь – это все компактно жило еврейское население, потому что климат хороший, торговля им тут тоже развита была, вот Шаргород – там вообще со всеми концами, то они селились, где им удобно было и где климат хороший, так это их устраивало.

СА: А вот нам сказали, тут какой-то район был такой, назывался Капцунивка.

ГС: Капцунивка – это за автобусной станцией, туда вниз, к белому дому и немножко правее, там металлоштамповочный. Вот, это называлось Капцунивка.

СА: А почему так называется?

ГС: Толком я не скажу... когда-то что-то мне говорили, но я забыл. Но это шло уже за крепостью, поселение было вне крепости, вне крепостной стены.

СА: То есть это даже не город был когда-то, да?

ГС: Это считалось городом, но не крепость. Потому что крепостная стена была, значит, даже вот тут, где белый дом, к речке, вот где проезд к речке, там осталось... возможно, что еще остался, значит, кладка кирпичная, потом поворот сюда, где был металлоштамповочный, когда-то была... значит, что там... солили огурцы, там перевалочная база, так называли, что-то такое, и так она до графа Потоцкого с кирпича – такой большой кирпич плоский был, где-то... я застал где-то метра два – два с половиной она высоты была, широкая такая – это все было огорожено до графа Потоцкого. И потом, говорят, еще брамка, вот эта вот, что в черту города заходила, стояла брамка... брамка – это ворота, так сказать, брама, где пожарка. Вот там заканчивался город, вот где воинская часть, где сейчас там рынок строят – вот это все было огорожено.

СА: А Вы в сороковом году родились?

ГС: В пятидесятом.

СА: А вот Вы не знаете, в войну здесь было как?

ГС: В войну стояли румыны. До... эта сторона Буга, значит, стояли румыны, с той стороны уже Буга, туда – стояли немцы.

СА: А лучше было все-таки при румынах или...?

ГС: Румыны гораздо мягше относились к населению, гораздо мягше, и к еврейскому населению тоже. Потому что даже – не буду называть фамилии, вот, тут гетто было, и я спросил ее, не буду называть, как ее, потому что я не хочу этого, ну, Маня будем говорить – «Тетя Маня, - говорю, - Вы были в гетто?» – «Да, я была в гетто, туда-сюда» - «Чем Вы занимались?» - «Ну, я была молодая, мне давали румыны всякие вещи, вот, я ездила по селам, продавала их, - говорит, - и они имели, и я имела». Она сама еврейка была. Так что, видишь... ну это так, это вот... не от меня сказано (смеется) Так что, говорят, что даже давали, когда на какие-то работы, ну, принудительно посылали, то у кого семьи были, значит... большие семьи, бедно жили, то они даже давали возможность, что взять там или кукурузы какой-то немножко с собой, или еще что-то такое, но с разрешения, воровать они запрещали, они... ну, тут один мне рассказывал, значит, Космач, он умер, говорит, что в течение недели или двух они наладили и водоснабжение, и прочее, пекарни пекли хлеб, потому что, когда отступали, то все-таки это разрушалось, чтоб не доставалось ничего, ну а им уже надо было быть, они пришли, оккупанты – они как хозяева пришли, на многие годы, они сразу... думали, что так у них получится, но все-таки... Вот, наладили это все, такое, потому что основное что – хлеб и вода. Так, как мне рассказывали. Немцы,

конечно, более жестокий народ, это прекрасно знают, тем более когда правление, они требовательны к себе и требовательны тем более были к чужим, и если они приходили сюда, то они чувствовали себя хозяевами, и, конечно, жестко относились к нашему народу.

СА: Вот скажите, Тульчин – старый город?

ГС: Тульчин по разным описаниям или тысячу пятьсот какого-то, или тысячу четыреста где-то восемьдесят, в этих пери... потому что по-разному говорят. Есть еще такое, где-то написано, с литературы я читал, что разговор о Брацлаве, который вообще сейчас затух, что Брацлав – это вам не Винница, не то-то, не то-то – перечисление – и даже не Тульчин. Почему в тени остался Тульчин – потому что, все-таки, видно, дало свое, что тут не было железной дороги, она проходила 12 километров от Журавлевки, то дало какое-то такое спокойствие, здесь в свое время – в 50-е, в 60-е, еще в начале 70-х годов очень много приезжало с Москвы, с Ленинграда здесь дачников, потому что хороший климат был, фруктов очень много, и люди там все-таки... так сторона, они соскучились, там климат был другой, не такой, как сейчас, изменение прошло большое, вот тут когда-то, наверху, на горах, там были, значит, и баштаны так называемые, это вот дыни выращивали, арбузы выращивали в этих местах. Вот, а что мне интересно, значит, пришлось найти уже тоже историческое такое, там называется место такое, Угру... Огрудок, вот, там стояло, значит, лютеранское кладбище, с левой стороны, там, где мясокомбинат и колбасный цех был, и когда-то была, так сказать, салотопка, там когда убивали собак, значит, и топили с них жир, вот, а потом склады обувной фабрики были, то внизу, на этом спуске, как-то после дождика я понаходил такие вот зубы здоровенные, это не то шо – один зуб вот такой вот. Ну, когда... не знаю, как мне один сказал, что в Киев возил, так говорит – где-то четыре с половиной – шесть миллионов лет, где-то вот датируется таким это – значит, тут когда-то тоже было дно, видно, и акульки зубы там на... тоже за песком я ходил, я находил вот такие уже – розовые, синие, вот такие уже, от времени они... А, еще что – когда-то, значит, та сторона называлась поляками Олэши Яры. Олэши – это Оленьи Яры, значит, всё заросшее было, там это уже окраины, и там водились олени. Значит, в Тульчину природа очень хорошая была, речка, я еще купался в этой Тульчинке, которая загрязненная, ее там чистили несколько раз уже, но толком ничего не почистить, потому что люди... отношение людей, если с них спросить за каждый двор, каждый огород, который к речке уходит, чтоб... должна быть чистота, значит, этого бы и не было. А потом сбросы, там когда-то была баня, ну... бани сейчас нету, сброс туда шел, потом маслозавод тоже сбрасывал всякое... Вот. А в свое время где-то я, мальчишкой, так где-то восемь-девять, семь лет, шесть, купался в этой речке, делали запруды такие, вот, и купались, вода чистая была, разная рыба там была, сейчас, конечно, этого всего нет.

СА: А вот Вы когда в школе учились – у вас какие школы были?

ГС: Значит, была первая, там, где автобусная станция, ну вон там, возле автобусной станции, вторая – возле стадиона, третья школа – это русская была, то всё украинские были...

СА: Первая и вторая - украинские?

ГС: Да. Это была русская школа, первые классы шли тут, где сейчас это вот... ну, это не костел, а церковь, тут... как она называлась... базовая, там, где кельи были, то по 4-й класс мы учились, а потом переходили в основной корпус, с пятого там по десятый учились, вот, был... как... пришкольный такой участок, где мы практику проходили, выращивали там всякие... кабаки там, буряки, ну всякое такое по сельхоз это вот интересное всё, такие... И была еще, значит, 4-я школа, 4-я школа – там собиралось... ну такое... кто плохо учился, такое, ну, не то что отсталые, умственно отсталые, а такие немножко разгильдяи, это в основном было в 4-й школе, это на территории опять же этой, где 3-я школа, только немножко сюда, в эту сторону, здание так и осталось. Там сейчас спортивная школа, потом еще комбинат какой-то вроде бы... ну это достроили уже, комбинат из спортивного, а это вот невысокое, по-моему, одноэтажное или там двух... не, одноэтажное, корпуса такие – вот это 4-я школа была.

СН: А вроде как Вы сказали – 45% еврейского населения было – а еврейской школы не было?

ГС: Еврейской школы как таковой после войны, вот это когда я учился – ну, не буду говорить сразу после войны – не было еврейской школы, в основном евре... ну тоже учились и в 1-й школе евреи, и во 2-й, но в основном в 3-ей, где обучение шло с русским языком. Но, наверное, где-то в 30-е еще годы были школы тут еврейские, это при синагогах.

СН: А, при синагогах? И синагоги, значит, были даже?

ГС: Синагоги были, потом их во время советской власти разрушили. Одна синагога была там, где сейчас гуртовня, напротив, внизу магазин, где казармы суворовские – вот там синагога была, и потом еще тут что-то, возле базара это здание, которое разрушили, сейчас по-новому стали строить, двух-или трехэтажное, я не помню, сразу за базаром, там тоже что-то было связано с этим. Возможно, что синагога.

СА: То есть, кажется, две даже синагоги было?

ГС: Вроде как две, да.

СА: А вот с вами там учились евреи, украинцы, русские. Не обижали друг друга?

ГС: Я скажу, что детвора, ну, как говорится, и постарше – они могли нас обозвать, мы – их, туда-сюда, а где-то такое целенаправленно, чтобы организованно - этого не было. Тем более, что советская власть – она всех мирила, как говорится, там не дай бог, чтоб где-то кто-то даже с ихней стороны, если даже какое-то обидное слово было сказано, то как-то воспринималось не так, что где-то что если они это вот, а если назвать, допустим, как говорили, что жид – это хотя на Западной Украине это вот так оно и... литературное было, то никто практически... ну где-то, может, когда-то что-то – а так не было. Драться... драться собирались, были компании,

украинцы и евреи, побили ту компанию, та компания – тех, ну, как побили – там не было как сейчас это вот... ну, упал – значит, его никто трогать уже не будет, если нечаянно что-то такое... не было, в принципе... Оружия не таскали никакого... пошумели, потом на следующий день всё это мирным путем отошло.

СН: А если праздники какие-то общие были?

ГС: Значит, шо... Мы как-то относились с пониманием к ихней Пасхе, ну, ихня Пасха, конечно, это всё было в кругу семьи, не разрешали, по-моему, так, нелегально производство мацы, это где-то снималась квартира, и там они, значит, пекли эту мацу, и потом между собой... Если угощали мацой, то шо – кто-то это вот... также как если, допустим, на русскую Пасху или украинскую, угощали евреев, то они тоже вот... И когда семьи уже были половинчатые такие, то смотришь – на Пасху пекли... была маца на еврейскую, а на такую – там и галунки эти крашеные, и пасха... Так что тут как-то ассимиляция произошла такая, что...

СА: А много смешанных семей уже было – русских, украинцев...

ГС: Да, было, было. Уже начиная с... после революции пошло, потому что у евреев очень как-то было такое, шо они... запрет большой, чтобы с иноверцами вступать в брак.

СН: А почему?

ГС: Ну... Сильная религия у них все-таки была, внушение вот это вот ихнее... а потом оно немножко при советской власти пошло-пошло-пошло и... и потом, если кто кому нравился, это вот...

СН: А вот... А сильно религиозные люди при советской власти у евреев были здесь?

ГС: Были. Были, которые знали иврит. Считанные люди, старые, которые могли что-то... вот надписи на этих вот, вот старое еврейское кладбище – там же все на иврите, иероглифы эти. И датируется, по-моему, первые могилы, что-то смотрели старые – или тыща семьсот, или даже конец тыща шестьсот, конец шестьсот... годов этого, вот там находили могилы такие. Но поуходили старые люди, прочитать полностью сейчас никто ничего, это ж тяжело, и потом зарастает мхом всё, ракушечник – камень в основном старый... Вы не были там?

СН, СА: Мы не были, мы хотели посмотреть, и всё в округе...

ГС: Надо будет вам экскурсию (смеется) Тут недалеко, оно буквально, и что еще – впоследствии, вот видите, новое кладбище, еврейское, то оно вместе с русским, там на ровном

СН: вместе с русским?

ГС: Да, но вроде как отделённое, на одной территории, просто они все компактно там, а русские там, и детское отдельно, просто уже детское, разделение такое сделали, это при советской власти. Потом старое русское кладбище, вот это, напротив больницы, и польское было. Ну это... сейчас там сделали парк. А еврейское было принято, чтобы обязательно на горке.

СА: Еврейское на горке всегда?

ГС: На горке, да, обязательно чтоб на горе, и желательнее они смотрели, чтобы песчаная местность была, чтобы легче копать. Как рассказывали, доносили до кладбища и там вроде как бегом...

СА, СН: Бегом несли?

ГС: Да, да. Значит, шо... на специальной ноше, такие были, и хоронили в сидячем положении. Глазницы закрывали или монетами, или черепками, как говорили, ну черепки – это осколки от глиняной посуды.

СН: А это вот старые так хоронили евреи, или...

ГС: Да, потому что это старое кладбище. Там... ну, потом обновляли немножко, это уже другие могилы, стали это вот... выше пошли. Вот... А на новом кладбище – не, уже как положено, как у нас, это уже при советской власти. Это всё было до советской власти или первое время, когда была еще советская власть не закрепились, не прижимала так, потому что ж было такое, что ни в церковь не пойдешь, там комсомольские отряды смотрели, чтобы на Пасху чтоб не ходили, если что – переписали всех, там, родителей, туда-сюда, детей крестить нельзя было, это вот... тихонько это все, ночью делалось, так что время было такое...

СА: А вот скажите, они сидя хоронили, то есть они хоронили что - без гроба, что ли?

ГС: Заворачивали в такую... как в материал. И копалась там такая ниша, ну, яма, и в сторонку такая ниша, и вот они в этой нише, значит, в сидячем положении...

СН: А почему сидя – не знаете?

ГС: Это издревне еще такой обычай был.

СА: А они ходят на кладбище так же, как русские?

ГС: Ходят. Ходят обязательно, чтобы на кладбище с покрытой головой чтобы были все, вот, у них же эти – ермолочки такие, я не знаю, как это... с покрытой головой должны быть мужчины, обязательно, ну женщины, наверно же, тоже, да? Тем более что это народ, который жил там, на востоке, то женщина тем более что она должна скрывать и части тела, и часть лица, накидка, это у них по религии такое есть. И посещение, там у них свои дни есть, когда они должны посещать. Значит, хоронить должны с утра до середины дня где-то, во второй половине дня это уже запрещается, и даже посещение кладбища, по-моему, после четырех часов запрещается. Но это и у наших тоже, так это – когда день кончается, то... у христиан, я имею в виду. В общем, где-то что-то есть общее, где-то раздельное, но евреи, конечно, сохранили свою эту вот, в отношении духовности, культуру, и так они придерживались как-то всё в себе, в семьях это как-то придерживалось, может, потому что все-таки они как-то... хотя, я знаю, родились тут, и тут уже не одно поколение, если считать, когда они пришли, это вот... поколение и поколение, так что родина... но где-то это передавалось, что у них осталось, не... полностью они не переняли какие-то обычаи.

СА: А вот кто был первыми поселенцами Тульчина – евреи, поляки, русские? Или вообще какие-то другие?

ГС: Украинцы. Поляки жили, потому что все-таки, если исходить с Киевской Руси, потому что Киевская Русь настолько мощная была, шо... Поляки – это тоже часть христианского ядра, вот это вот всё было... пошли ответвления, но они там компактнее на западе больше были, Киевская Русь занимала эти участки, потом ответвление пошло теперешних россиян, там Андрей Боголюбский увел часть своего этого, и потом пошло, а практически если разобраться, то украинцы больше русские, чем... (смеется) потому что там присоединилось, ассимилировалось много вошло народов тех, угро-финской группы, потому что север все-таки, это вот под русских. И татар очень много пришло, потому что в Москве жило очень много... кожевники были, ремесленники другие, когда уже татары пришли, то там даже местные татары отстреливали своих соплеменников с луков, с валов, потому что они знали - если те придут, они разобьют все.

СН: А вот Вы говорите – разное население было, а чем занимаются, ну, в основном – род занятий, чем евреи занимаются?

ГС: Евреи в основном... торговля в основном было, это в основном, но были и ремесленники неплохие, значит, которые изготавливали кожи, кровлю делали...

СН: А вот при советской власти уже как? На Вашей памяти?

ГС: При советской власти в основном работали на обувной фабрике, и частники были, которые тихонько шили костюмы какие-то, портные были, так еще... а уже туда дальше... ну, старались так это вот... в медицину своих детей отдать, и торговля, где-то склад, все-таки что это вот – торговля водой, это в будочках там себе, как это вот в еврейском... говорят, что люди на воде корабли строят, а я себе что - дом и дачу не построю? (смеется) Вот такое было.

СН: А не знаете, свадьбы если вот – как праздновали?

ГС: Свадьбы... ну свадьбы я уже помню, свадьбы шо... в основном где-то в ресторане, вот, так это вот, ну, обязательно **фрэйлак** этот вот свой национальный танцевали, танцы свои они танцевали, и пускали эту музыку, ну она и сейчас по сегодняшний день бытует, семь сорок это называется...

СА: А кто играл? Музыканты были местные у вас?

ГС: Музыканты – наши хлопцы, вот эти как пошли электрогитары, выходцы были и евреи опять же ж, и наши хлопцы, вот вокально-инструментальные ансамбли эти первые, они тут... Всё шло как... Тульчин когда-то так – то, что было, допустим, в Одессе, еще где-то в крупных городах – всё было в Тульчине, всё хваталось сразу, он очень такой он был... это прогрессивный город, очень много дал выпускников, которые потом, значит, выдающиеся и химики, и физики, и математики, спортсменов очень много, которые разошлись по бывшему Советскому Союзу. Школы сильные были, преподавательский состав был хороший, видно, из-за этого так...

СН: А Ваши родители здесь жили тоже, да?

ГС: Здесь.

СН: А они что-нибудь рассказывали, как там между собой жили?

ГС: Он рассказывал много, период безвластия, когда эти банды входили, одна за другой менялись, как он... сидишь в школе с одними учебниками, врывается, ну... тогда была церковно-приходская школа, врывается какая-то другая банда, уже бегом эти учебники прячут, в печку бросают, чтобы не видели этого другие, ну, в общем, говорит, поучился сколько он там, два или четыре класса церковно-приходской уже, тянуть не было как, значит, пошел где-то работать.

СН: Это отец, да?

ГС: Это отец, да. А мать тут не жила. Ну, так... и занимались кто чем, и дополнительно частными такими тоже – выделка кож, держали скотину, там, допустим, обязательно курица какая-то была там, свинка какая-то, прочее... Что еще рассказывал отец, вам, наверное, будет интересно, потому что говорили: о, поработанные были, бедные – всегда были бедные, всегда были богатые, были люди, которые хотели работать и которые не хотели работать. Вот рассказывает, что был Петровский пан, там, где локаторная станция – там его поля были, вот, говорит, когда уборочная были или что там – пан платил 50 копеек в день. Ну что такое 50 копеек? Это приходили люди, значит, на уборку, семьи большие были, семья с пяти душ, каже, за цих 50 копийок на недилю мала шо исты. И в общем женщина за один базар, вот это... ну как, за один раз не могла унести с базара, если купить на 50 копеек. Это за один день работы. Телочка такая вот, ну не корова, а телка, вырастишь – и потом будет корова, вот такая слабенькая телочка – она стоила три рубля. Значит, за 6 дней рабочих человек мог себе уже купить телку, подержать – и уже иметь молоко. Так что не так-то плохо было при этих панах. Разные, конечно, они были, но неплохо было, особенно под конец правления царского, это правление, все-таки если взять даже данные за 13-й год, что Россия входила в первую мировую тройку по экономике.

СА: А Вас в школе учили каким языкам?

ГС: Ну, был немецкий, французский и английский. Но старались больше как-то все-таки английский.

СА: А говорили на украинском Вы или на русском?

ГС: Я учился в третьей, потому что мать – с России, отец – с Украины, то как-то я... ну, и уже была тенденция, хотите – не хотите, тенденция была больше чтобы к русскому языку. Больше университетов, больше таких всяких высших учебных заведений было на... обучение на русском языке. Если ты учился на украинском, потом переходить на русский было тяжеловато. А старались все-таки к русскому больше.

СА: А вы на переменах на каком языке обычно говорили? Между собой?

ГС: По-разному, я свободно говорил и на украинском, и на русском. Ну, немножко мешаный он такой был, там слово такое, там такое, знаете, так никто о чистоте... так оно сливалось всё.

СА: А ребята, например, еврейские, они как – между собой – на русском, на украинском, или на каком-то своем?

ГС: В основном на переменах на русском, в семье, конечно, все знали идиш, в семье, и где-то что-то когда уединялись, допустим, то они могли так

это вот... потому что не принято было, это вообще было как-то поставлено, чтобы на другом языке где-то, потому что можно кого-то оскорбить, и ты не будешь знать. Старались, чтобы не говорить, если ты в коллективе находишься – значит, ты должен на том, на котором все разговаривают.

СА: А Вы и вот ваши... русские, украинцы - не знали идиша?

ГС: Немножко. Некоторые слова знали. Отец мой, допустим – он раньше общался очень плотно с евреями, он практически понимал хорошо. А я так – где-то какие-то песенки, где-то какие-то слова, туда-сюда.

СН: А он общался – в смысле работали вместе или соседями были?

ГС: Ну если... соседи были, если так много было, 45, допустим, где-то процентов, так считайте, что довольно-таки тесное общение было. Там где-то мать его начинает ругать, где-то что-то ему сказала – ты услышал, где-то что-то по друзьям там, и так где-то что-то скажет, они что – стеснялись? Они не стеснялись. Во дворах нет, это если школа, допустим, какое-то государственное заведение, там уже не было этого, а так, во дворах - свободно себе кто как хотел, на каком языке, тот так и разговаривал.

СН: А у евреев какие-нибудь праздники, кроме Пасхи, были?

ГС: Были какие-то поминальные, это отдельно что поминать умерших. Потом еще какие-то, но конкретно я вам не скажу.

СН: А чтобы евреи при советской власти на Вашей памяти праздновали какие-то праздники – не было такого? Ну ту же Пасху...

ГС: Так, чтобы... это все прижималось. Как наша Пасха, так и ту – прижималось это. Это уже 90-е годы, там началось, когда образовались эти общины еврейские, всё, когда перестройка пошла, пошел этот вот подъем духовный, кто был... кто верил, кто не верил – все стали верить быстро (смеется) Вот такое.

СА: А вот дни рождения евреи как-нибудь отмечали? Просто нам сказали, что они, кажется, не отмечали дни рождения.

ГС: Нет, приходили, значит... мы, допустим, если кто-то из соучеников праздновал день рождения, мы приходили к ним, туда-сюда. Где-то, может, взрослые где-то, может, я не знаю, но праздновали. И даже когда были взрослые, то где-то в ресторанах заказывали себе вот, и праздновали... было, это было, юбилеи – это было. Может, по вере нет этого, по вере, потому что есть такое, но тут уже, я ж говорю, это ж не то, что, допустим, Израиль, если там... и то там сейчас никто особо не... там старались-старались **дотишное (дотационное?)** государство, те люди, которые верят, там даже они не работают, женщина еще имеет право рабо... может работать, а мужчина даже не должен работать, религиозный, который молится, он на дотации государства, у них большие семьи. Вот. То там держится это.

СН: Нам такую историю рассказали интересную, про похороны говорили, что как-то то ли директора школы, то ли кого-то хоронили на русском кладбище.

ГС: Ну Могилевский, это директор 3-й школы. Его похоронили на русском кладбище из-за чего все-таки – потому что, видно, он был там и... доска эта вот на 3-й школе поставлена, жена все-таки добилась его, она

живая сейчас, собственно вы к ней могли бы подойти, она любитель поговорить, Могилевская... сейчас я вам скажу. Если идти к автобусной станции, за большой такой угловой такой гастроном, на перекрестке, вот церковь сюда, а это к автобусной, угол этот вот, стоит гастроном и буквально за этим гастрономом...

СН: А как называется гастроном?

ГС: Возле бара, там где бар, это напротив швейной... буквально за этим гастрономом... так, «Тульчинка» напротив, кафе это вот, а это по правой стороне где-то второй... второй дом, по-моему, он двухэтажный такой. Двухэтажный дом, уже такая постройка, будем говорить, 50-х годов. И в дворик заходите, Могилевскую спросите, ее все знают, это домик такой на семей восемь где-то был рассчитан, это было построено для... вот директор школы, там еще кто-то из начальства, такое вот. Это вот все-таки что он деятель был, что школа считалась 3-я одна из лучших, он очень много уделил школе внимания 3-й, это практически начало ее было... С какого года там на доске сказано... в общем, лет 25 он, наверное, преподавал и был директором 3-й школы, вот, то, так как его решила общественность похоронить на... значит... и опять же это старое, там уже не хоронят никого практически, только так, то есть тех людей, которые отличились где-то чем-то, что дали для общества очень многое – то хоронили на старой части этого кладбища, возле парка сразу, не на новом. Если бы на новом, конечно, то бы его на еврейской части, а так его на старое – то там среди таких людей, которые... так что там ничего такого нету, никакой политики, ни того ни сего, и вроде с соглашения с женой все это было сделано, хоть и он чистокровный еврей был.

СН: А как ее зовут, не скажете? Могилевская...

ГС: Могилевская... забыл. Она долгое время работала в больнице врачом.

СН: А сколько ей лет?

ГС: Ей, сейчас я скажу, лет 70 с чем-то, наверное.

СА: А вот у вас церкви в городе разрушали? Вот когда пришла советская власть?

ГС: Значит, осталась эта церковь, потом эту, значит, заняли церковь, спортзал был, детская спортивная школа в ней была, потом еще какой-то театр когда-то был, фильмы привозили, показывали, тут возле Суворова которая стоит, вот эта вот. Разрушать ее не разрушали, а разрушили, значит, церквушка была, часовня на кладбище, вот это старое кладбище, где сейчас заправку там новую построили, вот на этом месте была церковь, часовня, там и иконы были, перед тем, как похоронить, то заносили туда, там отпевали, всё как положено, и потом, значит, хоронили после этого, то ее разрушили. Красивое такое небольшое зданьеце было...

СН: А кто разрушил, неизвестно, да?

ГС: Ну... наши правители. Те, которые сняли, допустим, зачем было снимать эти столбы – они не мешали никому, допустим, если даже бежать в школу, если я остановился напротив столба, если мне перебежать на другую

сторону улицы – я знал, что уже машина не наедет, потому что там такая громадина стояла. Вот. Один ночью сняли, там танками растаскивали, так тяжело было его снять, а другой еще... один возле кинотеатра, а другой – тут на перекрестке, возле этого здания, где швейная стоит, где этот...

СН: А синагоги вот когда разрушали?

ГС: Синагоги где-то в 30-х годах.

СА: А вот тех людей... вот не говорили, может быть, Ваш папа рассказывал или мама, что тех людей, которые синагоги разрушали, церкви, что вот их наказывали, там, бог наказал, ну как-то вот так говорили...

ГС: Вообще... за счет этого говорили, что было такое. Было. Тут даже был один такой случай, когда на Сорок святых... стояла, значит, аптека, старое здание, вот тут, где сейчас строится большой **детдом со школой**, было тут много разговоров, на его месте – тут стояла рядом еще аптека, очень красивая, с таким кованым заборчиком старинным, всё... И там, значит, женщина рядом вешала белье. И Сорок святых, и кто-то ей сказал, говорит: «Ты ж не делай этого, потому что праздник большой, Сорок святых». Она говорит: «Ничего, я буду сорок первой». Та далеко не уходит, как эта падает, и на эти вот... пробивает себя на эти штыри и умирает. Так что такое случается. Все-таки верить надо, потому что мы не знаем... тайны эти вот, откуда мы появились... Вечный вопрос яйца и курицы (смеется)

СН: А скажите, говорила... Ваша мама, наверное, больше, может быть, папа – что есть такие дни в неделе, в году, когда работать нельзя? Вот кроме Сорока святых...

ГС: Ну, когда большие праздники, именно церковные праздники, потому что первое мая, девятое – это такое вот было. Ну, девятое – это больше как-то, а первое... потом люди как-то так еще, и копать ходили, потому что оно связано как раз в период такой, что надо было на огородах... А на церковные праздники-то многие, многие, все-таки, наверное, что больше половины населения придерживалось этих всех требований, которые остались, иногда даже толком никто объяснить это не может, но как-то оно передавалось, что нельзя, что-то такое...

СА: А евреи – они все ели из еды?

ГС: Уже наши евреи ели все – и сало, и колбаску эту вот, и домашнее сало (смеется) всё они ели, они не придерживались этих вот...

СН: А вот Вы про мацу рассказывали, а как делать-то ее?

ГС: В общем, она без соли, мука, вода, и больше ничего. А вообще-то рассказывают, как это сделано, почему это праздновали – что это, по-моему, когда Моисей водил своих людей в пустыне, то это всё было сделано или на камне, или на чем, значит, без огня, без ничего, то там жарко, и вот немножко воды было и муки, и, значит, они из этого сделали мацу. Так что она так и должна быть – без всякой сдобы, без ничего, сухая, без соли, без жиров, без всего.

СН: А вот из нее что-нибудь делают еще?

ГС: А потом уже, значит, оставлялась эта маца, и вот так, как у нас панировочные сухари, так они делали, значит, добавляли в бабки всякие там

национальные блюда всякие делали там с курицей что-то такое вот, то добавляли уже вместо сухарей или еще что-нибудь эту мацу, еще что-то добавляли. Как хлеб, можно что-то добавить, или есть с чем-то даже с мацой могли.

СН: А русские ели мацу, когда угощали?

ГС: Ели. Ели, конечно.

СН: Как обычный хлеб или как? Или, может, что-то делали?

ГС: Нет, просто ели так. Хочешь – с чаем можешь пить, если она тебе сухо во рту будет, хочешь – молоком запей. Но у евреев когда этот праздник, то там шел как пост, так что они именно когда эту мацу надо было есть, то ее ели, и, наверное, что только водой можно было запивать. Там есть какие-то традиции, но я это толком не помню, что в какие дни как это соблюдается, а потом это уже, эту мацу использовали так уже, что можно с любым, а вот в те дни, которые пост – потому что у них тоже пост идет – так они только мацу можно было есть, и всё.

СА: А вот кто-то специальный пек мацу, да?

ГС: Да, потому что...

СН: То есть даже не у себя дома?

ГС: У кого была русская печь где-то дома или еще что-нибудь, собирались пекари, помощники, потому что там ее же надо вымесить... вымесить было, это ж не то что производство, это потом где-то доставали машинки, которые прокатывали, там же дырочки вот эти вот есть, пропускалось это тесто через эту машинку, и делались эти дырочки, и в печке ставилось. При этом использовался труд и русских, и украинцев, не только евреев, они нанимали, потому что там тяжелый труд был, вот это вымешивание, я знаю, что даже мой отец, он кондитером был, то другой раз его просили, что, говорят, иди, поможешь нам, рассчитаемся, заплотим тебе хорошо за это.

СН: А кондитер – у него свое что-то было?

ГС: Да, во время, значит, нэпа, он с восьмого года у меня был, во время нэпа у него была своя мастерская, вот, немножко, говорит, что люди поднялись, можно было заработать, то-сё... Стало как-то легче, ездил, и в Ленинграде был, и в Одессе был, во Львове был, работал с македонцами, говорит, македонцы сильные были кондитеры, он многое перенял у них, значит, тут всяких людей много было, тут же кладбище лютеранское, польское, там еще какое-то. Чего лютеранское – потому что Суворов когда здесь был, то у них же ж много всяких заместителей там, командиры были с Европы, те, которые еще верили, католики, значит, еще остатки были там очень шикарные кладбища такие были – что мрамор, гранит шлифованный такой, люди богатые были. Потом, значит, что еще я хочу сказать, вас, видно, история интересует, он рассказывал за голодовку, которая проходила по Украине. В общем, голодовка, говорит, она не должна была быть на Украине, это искусственно создано. Вот, говорит, в торгсинах – что такое торгсин, там где сдавалось золото, и в обмен можно было любую булку сдобную, колбасу взять, там ветчина, - все было в этих торгсинах, вот, и люди относили

последнее – сережки, кольца, то всё – это всё сносилось в эти магазины для того, чтобы как-то выжить, там брали муку, зерно, ну, у кого много золота было, то так это вот. Ну и все забиралось. А год не был такой неурожайный, все было нормально, просто забирали зерно, где что как можно было, все это таким путем. Моя бабушка, значит, бабушка, его мать, она осталась рано без мужа, потому что он пришел с австрийского плена в первую германскую, вот это когда... первая отечественная русско-германская война, он в австрийском плену был, и, говорит, пришел, еще какие-то семена кукурузы интересные принес, что по четыре початка вроде бы родила, такая высокая вот, ну и стали жить хорошо, а потом что-то какая-то эпидемия пошла брюшного тифа, и он заболел и умер. К чему я веду, значит – все-таки она осталась, и у нее было пятеро детей, то купила там, значит, поросенка, лёшку эту вот, та, значит, со временем выросла, привела этих поросят, дети выкормили эти поросята, и потом пришел к ним этот **кадавник**, скупил этих поросят, и высыпал бабе так шесть золотых монет – пятерок или что-то такое. В общем, в то время даже если ты с бедной семьи, - просто она осталась такая, она еще в субботу поверила, и от нее семья отказалась. Она в субботу поверила.

СН: Это как – в субботу поверила?

ГС: Ну, субботники так называемые. Евангелис... это что-то наподобие еврейской веры, это такое вот... они, значит, не воскресенье празднуют, а субботу. Вот пятница, кончается день, солнце заходит, и, значит, они молятся, все это... То от нее отказались, она бедно жила. Но тем не менее золото имела. Так что если у украинского населения, даже у бедных, было золото, то ничего страшного не было, а если кто-то и запрятал горщик или два, это вот кувшинов этих вот, кринки такие где-то закопаны, то это уже по прадедушке вот своему я знаю, что было такое, что у них спрятано было – такой **ганак** называется, там оно было... там, может, и деревянные полы были, а тут оно было оцинковано глиной такой, окрашенное охрой красной, значит, аккуратненько, и в уголке было заделано. Знали, что у него золото есть. Забрали его, кинули в погреб – это при советской власти уже, в начале, когда организовывалась советская власть, и сказали бабушке... прабабушке, это вот: «Если, - говорит, – хочешь забрать своего деда», - он же пожилой был, старый, он думал, что помрет до этого вот, – «ты должна принести несколько штук монет, и заберешь его». Ну, старая тоже ж была, пошла, значит, и в этот вот, прикрыла двери, и там груб-груб, вырубовала это вот, значит, чтоб достать монеты эти, а за ней уже пошли следить. Увидели, где что... «не надо, не надо, - говорят, – остальное мы сами сделаем», и деда отпустили и забрали этот кувшин.

СН: А вот Вы говорите, он поверила в субботу – это потому что какое-то общество было такое здесь?

ГС: Это уже было общество, да.

СН: Вот здесь, в Тульчине?

ГС: В Тульчине, давно это, это считайте, что до революции еще было.

СН: А много их было?

ГС: Это не было совсем так открыто общество, ну... человек, может, пятьдесят, где-то так, немного. Они снимали где-то квартиру, у них не было ни церкви, ничего, где-то у кого-то собирались там, пели песни, читали книги, обсуждали это вот, как шо, приобщались к вере.

СН: Это вот потому что еврейская вера так повлияла, это совсем еврейская или что-то другое совсем?

ГС: Это немножко другое, но у них тоже соблюдается как бы не совсем кошерность. Рыбу без чешуи они не ели, свинину нельзя было есть, в общем, то, что считалось, что... от дьявола вроде как это вот. Свинина считается от дьявола.

СН: А вот евреи же тоже не едят свинину?

ГС: Тоже, да. Если верить, то они не должны это вот... Но они ели.
(смеется)

СН: А вот вино они пить могут?

ГС: Вино да. Даже там, в Израиле, потому что я знаю, приходилось там работать, ездить, то там говорят, что из-за того даже, ну, некоторые деды рассказывали, что с водой очень тяжело, то насчет сухого вина у них очень это вот. Другой раз вместо воды пили тоже, как в Молдавии, сухое вино. Виноградников там было очень много.

СН, СА: А Вы работали в Израиле?

ГС: Да.

СН, СА: А Вы на иврит не ходили? Нам просто сказали, что Вы, кажется, иврит изучаете?

ГС: Немножко... но просто из-за того, что всегда я считал, что мой дом здесь, я не думал быть там, я не старался в это... работа была такая, что в основном с русскоязычными, если бы пришлось с ними быть, то там волей-неволей пришлось бы, а так – отдельные...

(конец стороны В)